

Р. Р. Баязитова

«ТЕЛО» В ТРАДИЦИОННОМ ЭТИКЕТЕ БАШКИР

Исследование места тела и телесного кода в традиционной культуре башкир видится актуальной проблемой, с одной стороны, для полноценного описания культуры общения, с другой – в связи с малоизученностью проблемы. Цель статьи заключается в выявлении и описании телесного кода башкир согласно мифологии, древним воззрениям и религиозным представлениям для характеристики субъектов общения. Исследование проводилось на основе описательного, структурно-функционального, сравнительно-типологического методов исследования. В процессе работы применялся комплексный подход, предполагающий анализ философских, этнографических трудов и полевых материалов автора. На основе фольклорных текстов и полевых исследований выявлены идеалы мужской и женской красоты, определены мифологические, религиозные, магико-ритуальные основы представлений о человеческом теле. В традиционной культуре башкир сложилось свое видение человека по форме головы и контуру лица, цвету кожи, волосяному покрову, густоте волос и ресниц, размеру лба, рта, губ, носа, ушей, глаз, а в фольклоре зафиксированы приметы и поверья, связанные с частями тела. В традиционном обществе человек воспринимался как копия и часть мироздания, согласно данным представлениям сложились правила поведения, связанные с вертикальной и горизонтальной организацией тела человека. Так, при общении обращали внимание на телесные характеристики для определения партнера по коммуникации и правил поведения с ним в рамках: земной (этот) – потусторонний (иной), мужчина – женщина, старый – молодой, обычный – отмеченный, а также особое внимание уделяли частям тела, считающимся вместилищем души. Нагота и прикрытость тела регламентировались этикетными установками, запретами и предписаниями согласно древним воззрениям и мусульманской религии. Наблюдалось частичное оголение тела в процессе проведения обрядов перехода, также в окказиональных случаях.

Таким образом, телесный код у каждого народа имеет особенности, изучение которого важно для понимания невербальных сигналов, передаваемых в общении, для определения характера и менталитета, идеалов и ценностей, культуры общения и этикета того или иного этноса.

Ключевые слова: башкиры, традиционная культура башкир, тело, телесный код, общение, этикет, язык тела

Человеческое тело, его социально-символические и социально-технические функции представляют интерес для ученых различных научных направлений. Так, составители словаря «Славянские древности...» отмечают, что «тело человека – центральный концепт культуры, находящийся на пересечении макрокосма и микрокосма, универсальный инструмент познания и описания мира» (Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах..., 2012: 247). Понятие «телесный (или соматический) код» исследователями определяется как «совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные (в том числе “размер”, “цвет”/“масть”, “форма”, “консистенция”) и количественные (в том числе размер, вес) характеристики, физические и/или ментальные интеллектуальные, эмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, жесты и виды деятельности, а также пространственные и временные их “измерения”, которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков “языка” культуры»...» (Гудков, Ковшова, 2007: 96–97). Руководствуясь данным определением, рассмотрим отдельные аспекты понятий «тело», «телесный код» в башкирской культуре.

Рассматриваемая тема в башкирской этнографии в некоторой степени затрагивалась в контексте исследования мифологии, древних воззрений, обрядовой культуры в трудах З. Г. Аминова, Н. В. Бикбулатова, Р. А. Султангареевой, Ф. Г. Хисамитдиновой, Ф. Ф. Фатыховой и др.

В данной статье мы рассмотрим понятия «тело», «телесность» не с точки зрения физиологии (биологии), а как социокультурное явление в рамках изучения традиционного этикета. Представления башкир о человеке, его теле тесно связаны с мифологией, различными обрядами. Как известно, при общении информация передается не только вербальным путем,

но невербальными способами. Значение телодвижений, поз и жестов человека, несмотря на их универсальный характер, обусловлено этническими особенностями, а содержание передаваемой информации можно понять только благодаря изучению их мифологического, религиозного, социокультурного контекста. На наш взгляд, анализ и описание идеалов красоты, предписаний и запретов, касающихся телодвижений, народных знаний о теле, помогут составить наиболее полное представление о традиционном этикете башкир. Телесно-пространственное поведение – одно из интереснейших составляющих этикета, в основе которого лежат этические традиции народа, и поэтому его семантика может быть рассмотрена только в контексте этнической культуры, на конкретном смысловом поле.

Мифологический аспект. В мифологии башкир прослеживается синкретизм человека и природы. По данным З. Г. Аминова, упорядоченный Мир, Космос, согласно представлениям древних башкир, возникает не сам по себе. Мир создается титаническими усилиями демиурга Урала в ходе борьбы с представителями хтонического мира и перешедшим на их сторону Шульганом из господствовавшего везде и всюду водного хаоса. Из тел уничтоженных хтонических сил Урал складывает горы, которые, выступая из-под вод, становятся местом жительства первых людей. По представлениям древних, от этих первых людей и пошли башкиры. В конце повествования Урал умирает и его хоронят на созданной им земле. Люди, которых Урал поселил на этой земле, сложили над его телом огромную гору, которая и стала называться Уралом. Тело Урала со временем превратилось в различные ископаемые: кровь его превратилась в нефть, а кости – в драгоценные камни (Аминев, 2013: 141). Согласно древним представлениям, земля башкирами персонифицировалась и воспринималась в образе женщины-матери («Ер-Әсә»), прародительницы всего живого. Как известно, в башкирской мифологии, как в целом тюркской, божество среднего мира – священная Земля-Вода («ыдук Йер Суб»). Например, по данным А. В. Анохина: «По представлению алтайцев-шаманистов духи обитают в трех сферах: под землей, на земле и на небе. Духов подземных обыкновенно называют көрмөс, духов неба – кудаі, духов земли – jär-су (букв.: земля – вода) или алтаі» (Анохин, 1924: 1).

В мифологической традиции человек, сотворенный в изначальные времена, был «сделан» из природных материалов. Земля, глина, дерево или камыш, соединенные и одушевленные божеством, дали начало его телесно-психической организации (Традиционное мировоззрение..., 1989: 15). Исходя из подобных представлений у башкир сложились запреты, которые сохранились по сегодняшний день: «зимой нельзя копать землю, она спит», «в землю нельзя втыкать колышки», «нельзя двигать залежавшийся камень», «нельзя лежать лицом к земле». Эти правила, направленные на сохранение окружающей среды, баланса взаимодействия между человеком и природой, показывают единство всего живого.

Порождающее начало земли нашло отражение в речи башкир: «Ерзән килгәнбез, ергә китәбез» – «Из земли пришли (созданы), в землю уйдем (землей станем)», – говорят пожилые. Сходные представления наблюдаются и у казахов. «Топрак болды» – превратился в землю (прах), – говорят они об умершем (ПМА – РК, 2014).

Согласно исследователям телесного кода русской культуры, тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира. Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (мера длины как пядь), так и универсальных метафор, давно стершихся и не воспринимаемых как троп (нос корабля, ушко замка) (Гудков, Ковшова, 2007: 72). Так, окружающий мир башкирами описывался при помощи собственного тела, о чем свидетельствует ладшафтная лексика: «йылға башы» – букв.: голова реки (исток реки), «йылға тамағы» – букв.: горло, глотка реки (устье реки), «йылға култығы» – букв.: подмышка реки (речная заводь), «тау башы» – букв.: голова горы (вершина горы) и т. п. В то же время сохранившаяся мифологизация частей тела показывает, что человек воспринимался древними копией миро-

здания, отсюда сохранившиеся этикетные установки, касающиеся невербального поведения, определения престижных мест («турбаш» – почетное место в доме, «йылға башы» – исток реки и т. п.) в помещении, пространстве.

Обрядовая практика и культура поведения. Тело человека тесно связано с пространством: «Нетрудно видеть, что в традиционном мировоззрении большое внимание уделяется фиксации границы между человеком (микрокосмом) и миром (макрокосмом). Именно тело становится этой границей, и «через тело удастся связать физиологическое с надфизиологическим, природное со знаковым, внутреннее микрокосмическое с внешним макрокосмическим» (Традиционное мировоззрение..., 1989: 56). Например, рождение означает переход из внутреннего во внешнее пространство. Приобщение к миру людей осуществлялось посредством ритуала. Строгое соблюдение предписаний и запретов, связанных с рождением ребенка, казахский исследователь Ж. Т. Ерназаров объясняет следующим образом: «По мнению информаторов, при рождении кости у ребенка расслабленные, он не адаптирован к жизни. Период 40 дней после рождения призван адаптировать ребенка к новым условиям, у него должны окрепнуть кости, он(а) должен привыкнуть к внеутробной жизни, которую ребенок воспринимает как шок после рождения. Существует и другое мнение, что младенец, как «посланец иного мира», родившись, становится подверженным влиянию потусторонних сил» (Ерназаров, 2003: 98). Анализируя материалы севернорусских районов, А. К. Байбурин пишет: «На новорожденного смотрели скорее как на материал, из которого в ходе ритуала можно получить “настоящего” человека. Стремление придать нужную форму отчетливо проявляется в действиях повитухи. Приняв ребенка, она гладит ему головку, стараясь сделать ее круглее; сжимает ноздри, чтобы они не были слишком плоскими и широкими» (Байбурин, 1993: 43–44). Подобные представления, действия с ребенком бытовали и у башкир: «У только что родившегося ребенка правили голову руками, стараясь придать ей круглую форму, а у лесных башкир ее еще на целые сутки перевязывали тряпочкой» (Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 93). «Для того чтобы брови у ребенка были красивы и изгибались дугой, по месту бровей чертили серебряной монеткой, приговаривая: “Пусть растет дугой, пусть будет она (он) со светлыми мыслями!”» (Башкирское народное творчество..., 2010: 288). Кроме того, недоношенного ребенка не показывали до предполагаемого срока родов, так как новорожденные до окончания сорока дней и недоношенные дети не считались полноправными членами семейного коллектива, социума.

Важно заметить, что смерть человека представлялась естественным явлением, а похоронно-поминальная обрядность башкир обеспечивала переход души и тела в иной мир, закрепляла статус умершего. Дальнейшее «взаимодействие» людей с аруахами регулировалось традиционной культурой поведения, этикетом.

«Жизненная способность тела, проявляющаяся в одушевленности, дыхании, росте, определяется термином «тын» (Анохин, 1924: 19). «Тын. Дыхание, душа. По представлениям башкир, одна из душ человека, с выходом которой человек умирает» (Хисамитдинова, 2010: 317). До сегодняшних дней в народе сохранилось поверье, что каждая часть человеческого тела имеет свою душу («кайһы ерәң ауырта, йәнен шунда» – где болит, там и душа).

В традиционной культуре наблюдалось бережное отношение к волосам, ногтям, пуповине, плаценте, последу. «Тырнакты, сәсте: Минәң тырнағым түгел, Ғәйшә-Фатиманың тырнағы, тип “Бисмилла” әйтеп, утка яғабыз. Теләһә кайза ташларға ярамай, теге донъяға күскәс, һорау алған вақытта, безҙән уларҙы таптыралар, ти. Шул вақытта “Бисмилла” үзе табып килтерә икән уларҙы. Кешелә тырнак киһергә ярамай, дошманыңда – тырнак киһ, дуһың өйөндә сәс тара. Төшкән теште бүрәнә ярығына кыстыралар» – Ногти, волосы сжигаем, при этом нужно говорить: «Не мои ногти, а ногти Гайши-Фатимы», «Бисмилла». Их нельзя разбрасывать, так как на том свете попросят показать, тогда “Бисмилла” поможет их представить. Нельзя отстригать ногти у посторонних, у врага ногти стриги, у друга волосы расчесывай. Выпавший

зуб нужно спрятать в щель между бревнами (Материалы экспедиции..., 2011: 138). «Пуповина – душа человека», «Плацента душу бережет», – говорят пожилые.

Похожие представления зафиксированы у других народов: «У южно-сибирских народов каждый из элементов человеческого естества являлся необходимым признаком жизни, ее средоточием и, следовательно, вместилищем «души». Это относилось к пуповине и последу, дающим жизнь младенцу, к глазам, представляющим человеку доказательства реальности его существования, к волосам, воплощающим непреодолимую силу роста» (Традиционное мировоззрение..., 1989: 59). Или другой пример: «Многие народы Сибири, и алтайцы в том числе, относятся к пуповине с величайшим вниманием. Душа ребенка, по представлениям алтайцев, связана с его отпавшей пуповиной. Поэтому многие из нас с трепетом относятся к пятисантиметровым “калта” – мешочкам из кожи “булгайры” для хранения пуповины в виде пороховницы или треугольника для мальчиков или в виде подушки, игольницы для девочек», – пишет автор альбома «Лунопоклонники Древнего Алтая». Он же отмечает, что на Западе по совету ученых некоторые состоятельные люди отпавшую пуповину (средоточие ствольных клеток) своего ребенка замораживают и хранят в специальном контейнере, которая может применяться при излечении от серьезных болезней как самого ребенка, так и ближайших его родственников (Лунопоклонники..., 2011: 3). По данным информантов, башкиры раньше хранили пуповину, иногда ее применяли для лечения – настой из засушенной пуповины давали пить больному (ПМА, 2014).

Нужно заметить, что, согласно традиционному этикету, пупок нельзя было показывать посторонним людям, особенно молодым девушкам. Бездетность женщин связывалась с этой частью тела. В народной медицине башкир сохранились заговоры и магические действия, направленные на снятие сглаза и вправление пупка. Например, в доме многодетной женщины знахарка купает бездетную женщину, после купания, доведя до изнеможения, щекочет ее и произносит заговор. После щекотания накрывает лицо женщины занавеской и массирует ее тело, область меж грудей по направлению к пупку. Дойдя до пупка, делает закручивающее движение и сдувает. Эту процедуру называют способ возбуждения души (Кот кузгалтыу эмэле). Далее массирует живот женщины яйцом, разбив его на ее животе, после на пупок укладывают первые волосы младенца или пушок цыпленка (гусенка) и серебряную монету (потом женщина эти предметы носит подмышками или за поясом на уровне пупка) (Лечебная и охранительная магия..., 2009: 18–20). Описанные магические действия, направленные на возбуждение души, еще раз подчеркивают роль/значение «кот» в жизни башкир, а также показывают места локализации жизненной силы, энергии, души человека.

Внешний облик в этикете. При встрече и общении первое, что бросается в глаза, это внешний вид собеседника в эстетическом, нравственном и соматическом понимании. Облик человека, касающийся походки и осанки, мимики и жестов, башкирами называется «буй-һын» (стан, телосложение). «Һын» обнаруживает параллель с древнетюркским словом «sīn» – туловище, тело, стан (Древнетюркский словарь, 1969: 503).

Как известно, у каждого народа существовали свои эталоны восприятия и оценки внешности человека. Так, М. А. Круковский оставил следующее описание башкир: «... отличаются очень большими размерами головы. Такого громадного черепа нет ни у одного из народов современной Европы. Рост башкира средний: он немного сухощав, и в фигуре его есть известная стройность, свобода, чего нет у более тяжеловесных тюрков и татар. Стройность фигуры говорит о долгой привольной и дикой кочевой жизни, о живом характере» (Круковский, 1909: 39). По внешним телесным признакам предсказывали судьбу, давали характеристику человеку, эти данные учитывались при общении. В фольклоре башкир сохранились описания личности по форме головы, овалу лица, цвета кожи, волосяному покрову, густоте волос, ресниц, по размеру лба, рта, губ, носа, ушей, глаз. Зафиксированы также приметы и поверья, связанные

с рельефом лица, лба, скул, подбородка, шеи, с наличием морщин и родинок. Приведем некоторые из них: «У кого большая ямка на затылке, тот лентяй. У кого зубы редкие, тот болтлив. У кого лоб узкий, у того ум узкий. У кого родинка на шее, тот счастливый. У кого родинка у глаз, тот плаксивый, у кого родинка у рта, тот благополучный. У кого уши большие, тот лентяй. У кого широкий лоб, у того хорошая память. Умная голова большой бывает» (Башкирское народное творчество..., 1993: 234). Если на темени два вихра («ике урау»), то выйдет за муж (женится) дважды (ПМА. 2003).

По фольклорным текстам, а также словарному составу башкирского языка можно представить эталон мужской и женской красоты. Оценивание женского тела происходило с точки зрения привлекательности, а мужского – крепости телосложения, силы. Например, словесный образ, идеал девушки передан в эпосе «Урал-батыр». Так, внешний вид Хумай описан следующим образом:

«Озон кerpегe үтә	«Черных глаз обжигающий взор
Кара күзe текәлгән;	Сквозь ресницы смотрит в упор;
Уйнап торған кыйғас каш	Над глазами парящие брови
Күз өстөндә йылмайған;	Улыбаются с любовью.
Төртәйешкән калкыу түш	А упругая грудь налитая,
Күз алдында тулкынған;	Словно волна речная, играет;
Бал кортондай нәзек бил	Стан ее тонкий, как у пчелы,
Бөрғаланып уйнаған;	Своей подвижностью удивляет;
Гүйә, таныш кыз төслө,	Голос будто давно знаком –
Көмөштәй саф тауышлы...»	Переливается серебром...»

(Урал-батыр..., 2014: 169) (Башкирское народное творчество..., 1987: 83).

В представленном отрывке эталоном красоты женского лица выступают брови, ресницы, цвет глаз, телосложение – гибкое тело, тонкая талия, упругая грудь.

Ф. А. Надршина во вступительной статье к тому «Предания и легенды» пишет: «Внешние черты действующих лиц рисуются обычно скупно, определяются постоянными эпитетами: “очень сильный, очень храбрый”» («Приключения Айсусака»); «На берегах Сакмара жил, говорят, дюжий батыр по имени Баязитдин, искусный певец, красноречивый, как сәсэн» («Баяс»); «У древнего Ирендыха жила-была женщина по имени Узаман. Она была красавицей» («Узаман-апай»); «Очень работающая и дельная, лицом пригожая была эта женщина («Алтын-сәс»))» (Башкирское народное творчество..., 1987: 14). В легенде «Махуба» образ девушки передается посредством первых впечатлений молодого человека: «К тому времени, когда он поднялся на гору на своем коне, Махуба со своей енгей уже ждала его на вершине. Прикрывая лицо своим платком, девушка стыдливо подала ему свою руку. «Что будет, то и будет», – решил Айбулат и сорвал платок с ее головы. И что же он видит: перед ним стояла черноокая с тонко очерченными бровями девушка с круглым, как луна, лицом, с длинными, аккуратно завитыми косами и тонким, нежным станом» (Башкирские народные песни..., 1997: 209). В некоторых фольклорных текстах девушка наделена не только красотой, но и силой, ловкостью. Например, по данным Ф. Г. Галиевой, в традиционном башкирском обществе, когда благополучие социума обеспечивалось хорошей физической подготовкой и мобильностью всех ее членов, выработались обычаи участия детей обоих полов в разнообразных спортивных забавах, в числе которых была борьба на поясах и стаскивание всадника с седла. По историческим преданиям и сказкам нередко девушки не уступали в этих видах спорта мужчинам (Галиева, 2021: 153).

Афористические жанры фольклора наиболее тонко передают идеал мужской и женской красоты. Приведем пословицы и поговорки, характеризующие внешность человека: «В словах –

сила сэсэна, в глазах – сила красавицы», «Красота женщины – брови да волосы, красота мужчины – борода да усы», «Небо украшает звезда, мужчину – борода, женщину – косы» (Башкирское народное творчество..., 1993: 144–145). Наряду с красивыми внешними данными ценились хорошие манеры, ум и внутренний мир человека. Об этом свидетельствуют такие афоризмы: «Красота – до трех дней, благородство – на всю жизнь», «Красота – не во внешности, а в манерах», «Красота человека в душе, а не в теле» (Башкирское народное творчество..., 1993: 145).

Явные телесные знаки выполняли функцию маркера в отношениях между субъектами общения, характеризующимися следующими особенностями: земной (этот) – потусторонний (иной), мужчина – женщина, старый – молодой, обычный – отмеченный.

По представлениям башкир, персонажи иного мира могли принимать антропоморфный вид, что вынуждало их обращать внимание на телесные характеристики собеседника с целью определить его принадлежность к одному из миров. По древним воззрениям многих народов, именно по телесным признакам можно было выявить представителей иного мира. В фольклорно-этнографических текстах сохранились данные, помогающие распознавать представителей потустороннего мира по определенным изъянам в теле. Так, А. В. Анохин в «Материалах по шаманству у алтайцев» писал, что, по представлениям алтайцев, злые духи рассыпаны по всему лицу земли. Из шаманских молитв видно, что они по своим индивидуальностям разделяются на обжор (jäk или аза), духов смерти (алдачы), духов тяжелой болезни (кар или албыс) и на духов «прежние отцы» (ада öкө). Последние описываются так:

«Без глаз – слепые,
Без спины – вывихнутые,
Без бедра – надломленные,
Спинные кости – вывихнутые...» (Анохин, 1924: 6).

По данным С. И. Руденко, «среди сверхъестественных существ башкиры упоминали еще про албасты, которую они представляли в образе женщины с такими длинными грудями, что она могла перекидывать их через плечо. По ночам албасты наваливалась на спящих, клала им в рот свою грудь и давила их. Спящий сильно мучился, стонал, метался, но не мог освободиться от нее и проснуться» (Руденко, 2006: 271). Относительно внешнего вида, телесных признаков предствителей иного мира исследователь славянской культуры Л. Н. Виноградова пишет следующее: «Эта необычная манера изображать грудь демонических женщин перекинутой на спину в народных толкованиях обычно объясняется тем, что свисающая до колен грудь мешает демоническим женщинам быстро передвигаться, бегать... Между тем эта черта (грудь сзади) может рассматриваться как признак «обратности», «вывернутости», который в научной литературе считается универсальным свойством демонической асимметрии, широко представленной в мифологии разных народов» (Виноградова, 2005: 23). Она же приводит признаки внешности, характеризующие представителей разных миров: «В номинационных моделях славянских названий нечистой силы, основанных на характеристиках внешнего вида, наиболее показательными оказываются такие признаки, как “белый”, “красный”, “черный”, “кривой”, “хромой”, “худой”, “однорукий”, “одноглазый”, “беспятый”, “беспалый”, “безголовый”, “старый”, “волосатый”, “лысый”, “железнодорожный”, “большой”, “маленький”, “скрытый”, “невидимый”, “немытый”, “нечистый” и ряд других» (Виноградова, 2005: 19). Приведенные характеристики, отклонения от телесной нормы считались универсальными, служили критериями построения поведения в рамках противопоставлений «свой» – «чужой», «обычный» – «отмеченный».

Обнажение отдельных частей тела, распущенные волосы, по представлениям башкир, также считались признаком инаковости: Незаплетенные волосы по сей день ассоциируются

с иным миром. «Албасты һымак ялбырап (ялбырлап) йөрөй» – «Ходит с распущенными, растрепанными волосами как албасты», – так осуждающе говорят пожилые о молодых. В традиционной культуре распуск волос означал десоциализацию, поэтому запрещали ходить с распущенными волосами. Расплетая или отстригая волосы, наказывали изменниц. Кроме того, принято распускать волосы на похоронах, так как, по поверьям, в них находится душа человека (Баязитова, 2018, 614–615).

Контакты, общение с нечистой силой регламентировались определенными правилами и нашли отражение в фольклоре. Например: «Если в лесу потеряется вещь, то нужно приговаривать так:

«Помоги найти скорей,
А не то убью.
Пятерых твоих детей!» –

Так угрожают нечистой силе, которая якобы унесла вещь» (Башкирское народное творчество..., 2010: 237). Бытовали специальные предметы, применяемые против них: для албасты использовалась нагайка-камсы, для юхи – стрелы (Башкирское народное творчество..., 2010: 13). Согласно данным информантов, по отношению к нечисти допускались бранные слова.

Таким образом, телесный код у каждого народа имеет свои особенности. У башкир представления о человеческом теле сложились согласно их мифологии, верованиям и религии. Человек воспринимался ими как копия и часть мироздания, согласно данным представлениям сложились правила поведения, связанные с вертикальной и горизонтальной организацией тела.

Рождение и смерть, как переходные состояния, регламентировались обрядами, а тело и душа башкирами представлялись взаимосвязанными сущностями человека. В народном сознании вместилищами души были не только голова, глаза, волосы, но и практически все части тела, отсюда многочисленные запреты, направленные на защиту здоровья и целостности человека, некоторые из них нашли отражение в этикетных установках.

В народной культуре сложились свои идеалы мужской и женской красоты. Башкиры по определенным телесным признакам умели распознавать личностные характеристики собеседника. Народные знания о теле, телесном коде помогали общаться с представителями иного мира, которые могли иметь антропоморфные и зооморфные черты.

Полевые материалы автора (ПМА):

ПМА – РК. 2014. – Полевые материалы автора, собранные в Республике Казахстан;

ПМА. 2014. – Полевые материалы автора, собранные в Республике Башкортостан;

ПМА. 2003. – Полевые материалы автора, собранные в Республике Башкортостан.

Литература:

Аминев З. Г. Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа: Изд-во «ДизайнПресс», 2013. 44 с.

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Российская академия наук, 1924. 148 с.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов // РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.

Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Башкирское изд-во «Китап», 1993. 464 с.

Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Перевод с башкирского / сост., автор вступ. статьи, комментарии Ф. А. Надршина. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. 576 с.

- Башкирское народное творчество.** Том 1. Эпос. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. 544 с.
- Башкирские народные песни, песни-предания** / сост. Ф. А. Надршина. Уфа: Китап, 1997. 288 с. (на башк. яз.).
- Баязитова Р. Р.** «Волосы» в традиционной культуре башкир // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 4. С. 613–620.
- Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.** Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Виноградова Л. Н.** Телесные аномалии и телесная норма в народных демонологических представлениях // Телесный код в славянских культурах / отв. редактор Н. В. Злыднева. М., 2005. С. 19–29.
- Галиева Ф. Г.** Национальная борьба курэш у башкирских женщин в прошлом и настоящем // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2021. (31). С. 153–162.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.** Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: «Гнозис», 2007. 288 с.
- Древнетюркский словарь** / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
- Ерназаров Ж. Т.** Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы, 2003. 200 с.
- Круковский М. А.** Южный Урал. Путевые очерки. М.: Издание К. И. Тихомирова, 1909. 159 с.
- Лечебная и охранительная магия башкир.** Тексты / составление, подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2009. 340 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
- Лунопоклонники Древнего Алтая.** Альбом / сост. А. Кыдыева. Новосибирск, 2011. 41 с.
- Руденко С. И.** Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Славянские древности:** Этнолингвистический словарь в 5 томах / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. 736 с.
- Урал-батыр** (эпос) / записан М. Бурангуловым от Г. Аргынбаева и Х. Альмухаметова в 1910 году. Уфа, 2014. 196 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.** Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Экспедиционные материалы 2009 года:** Бурзянский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. Уфа: ООО «Деловая династия», 2011. 208 с. (на башк. яз.).

Баязитова Розалия Рафкатовна.

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологии.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: rosali8@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 марта 2022 г.

R. R. Baiazitova

THE "BODY" IN THE TRADITIONAL BASHKIR ETIQUETTE

The study of the place of the human body and body etiquette in the traditional culture of the Bashkirs is considered a relevant problem, on the one hand, for a complete description of the culture of communication and, on the other hand – given the lack of research on this problem. Therefore, the aim of the article is to identify and describe the Bashkir body code according to mythology, ancient beliefs, and religious convictions to characterize the communication subjects. The research was conducted on the basis of descriptive, structural-functional, and comparative-typological research methods. A complex approach was used throughout the work, including the author's analysis of philosophical and ethnographic works and field materials. Based on folklore and field studies, the ideals of male and female beauty were defined, and the mythological, religious, and ritual foundations of the representations of the human body were identified. As a result, the traditional culture of the Bashkirs has developed its image of man based on the shape of the head and facial contours, skin color, hairiness, the thickness of hair and eyelashes, size of the forehead, mouth, lips, nose, ears and eyes, while folklore has recorded omens and beliefs associated with body parts.

In traditional society, a man was perceived as a specimen and part of the universe. Following this view, the rules of behavior were associated with the vertical and horizontal structures of the human body. Thus, in communication, attention was paid to physical characteristics to determine the communication partner and the rules of behavior with him or her within the framework: earthly (this) – otherworldly (different), man – woman, old – young, ordinary – marked, as well as special attention to parts of the body that were considered containers of

the soul. In addition, customs, prohibitions, and commandments regulated nudity according to ancient beliefs and the Muslim religion. In rare cases, nudity of the body was also observed during rites of passage. Thus, the body code of each nation has its peculiarities, the study of which is important to understand the nonverbal signals transmitted in communication, to determine the character and mentality, ideals and values, communication culture and etiquette of this or that ethnic group.

Keywords: *Bashkirs, traditional culture of Bashkirs, body, body code, communication, etiquette, body language*

References:

- Aminev Z. G.** Epos «Ural-batyr» i mifologiya bashkir [The epic "Ural-batyr" and the mythology of the Bashkirs]. Ufa: Izd-vo «DizaynPress», 2013. 44 p.
- Anokhin A. V.** Materialy o shamanizme u altaytsev, sobrannyye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. ot imeni Russkogo komiteta po izucheniyu Sredney i Vostochnoy Azii [Materials on shamanism among the Altaians, collected during travels in Altai in 1910–1912. on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. L.: RAN, 1924. 148 p.
- Bayburin A. K.** Ritual v traditsionnoy kul'ture [Ritual in traditional culture]. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskogo yazyka. RAN, Muzei antropologii i etnografii. Petra Velikogo (Kunstkamera). SPb: Nauka, 1993. 240 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Vol. 12. Obryadovyy fol'klor. Ufa: Kitap, 2010. 592 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Vol. 7: Poslovitsy, pogovorki. Primety. Pazly. Ufa: Bashkirskoye izd-vo «Kitap», 1993. 464 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Vol. II. Predaniya i legendy. Perevod s bashkirskogo / sost., avtor vstup. stat'i, komentariyev F. A. Nadrshina. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987. 576 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Tom I. Epos. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987. 544 p.
- Bashkirskie narodnye pesni, pesni-predaniya** [Bashkir folk songs, legend songs] / sost. F. A. Nadrshina. Ufa: Kitap, 1997. 288 p. (na bashk. yaz.).
- Bayazitova R. R.** «Volosy» v traditsionnoy kul'ture bashkir ["Hair" in the traditional culture of the Bashkirs] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2018. Vol. 28, No 4. P. 613–620 (in Russian).
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F.** Semeynyy byt bashkir. XIX–XX vv. [Family life of the Bashkirs. XIX–XX centuries]. M.: Nauka, 1991. 189 p.
- Vinogradova L. N.** Telesnyye anomalii i telesnaya norma v narodnykh demonologicheskikh predstavleniyakh [Body anomalies and the body norm in folk demonological representations] // Telesnyy kod v slavyanskikh kul'turakh / otv. redaktor N. V. Zlydneva. M., 2005. P.19–29.
- Galiyeva F. G.** Natsional'naya bor'ba kuresh u bashkirskikh zhenshchin v proshlom i nastoyashchem [National wrestling kuresh among Bashkir women in the past and present] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. No 31. P. 153–162 (in Russian).
- Gudkov D. B., Kovshova M. L.** Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. M.: «Gnozis», 2007. 288 p.
- Drevnetyurkskiy slovar'** [Old Turkic dictionary] / Red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. L.: Izdatel'stvo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1969. 677 p.
- Yernazarov Zh. T.** Semeynaya obryadnost' kazakhov: simvol i ritual [Kazakh family rituals: symbol and ritual]. Almaty, 2003. 200 p.
- Krukovskiy M. A.** Yuzhnyy Ural. Putevyye ocherki [Southern Urals. Travel essays]. M.: Izdaniye K. I. Tikhomirova, 1909. 159 p.
- Lechebnaya i okhranitel'naya magiya bashkir** [Healing and protective magic of the Bashkirs]. Teksty, sostavleniye, podgotovka tekstov F. G. Khisamitdinovoy. Ufa, 2009. 340 p.
- Lunopoklonniki Drevnego Altaya** [Moon worshipers of Ancient Altai]. Al'bom / sost. A. Kydyeva. Novosibirsk, 2011. 41 p.
- Rudenko S. I.** Bashkiry: Istoriko-etnograficheskiye ocherki [Bashkirs: Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p.
- Slavyanskiye drevnosti** [Slavic Antiquities]: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh / pod obshchey red. N. I. Tolstogo. Vol. 5: S (Skazka) – YA (Yashcheritsa). M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2012. 736 p.
- Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri.** Chelovek. Obshchestvo [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Human. Society] / L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalayev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye, 1989. 243 p.
- Ural-batyr** (epos) [Ural-batyr (epic)] / Zapisan M. Burangulovym ot G. Argyrbayeva i KH. Al'mukhametova v 1910 godu. Ufa, 2014. 196 p.

Khisamitdinova F. G. Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Mythological dictionary of the Bashkir language]. M.: Nauka, 2010. 452 p.

Ekspedicionnye materialy 2009 goda: Burzyanskij rajon [Expedition materials 2009: Burzyansky district] / sost. G. R. Husainova, G. V. Yuldybaeva, A. M. Hakim'yanova. Ufa: ООО «Delovaya dinastiya», 2011. 208 p. (na bashk. yaz.).

Baiazitova Rozaliia Rafkatovna.

Candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of Ethnology.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.

Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: rosali8@mail.ru